

● РЕПОРТАЖ ИЗ ЗАПРЕТНОЙ ЗОНЫ

После

ПРИЗЫВНЫЙ ЛАЙ НА КАБАНА. Облава была уже почти окончена, когда мы услышали низкого тона лай, смешанный с ревом. Обе собаки убежали вперед, и мы поспешили в том направлении. Из зарослей камыша раздавался призывный лай, и я рукой подал знак Виктору перебежать на наш левый фланг, а в это время Василий и я незаметно пробрались в камыши, оканчивающиеся позади нас. Шаг за шагом мы передвигались по месту охоты, стараясь двигаться тихо, насколько это возможно в густых зарослях камыша. Мы находимся в безопасности в пределах досягаемости ружейного выстрела, ничего не видим, по слышим, что собаки замолчали, а затем снова залаяли всего лишь метрах в двадцати от нас. Там промелькнуло что-то черное, и я сделал фотоснимок. На нем была видна голова Амура, и я сделал еще один плохой снимок. Потом что-то щелкнуло.

— Тр-рах! — почти одновременно прозвучали два выстрела, и мы услышали, как дикий кабан повалился на землю и задрыгал задними ногами, и как наши собаки возбуждались все больше и больше.

Василий и Виктор выстрелили одновременно. Василий — из пулевого ружья, а Виктор — дробью, предназначенной для охоты на волков. Оба выстрела были смертельными. Шурин и свояк Левковский сделали свое дело.

До того места, где застрелили кабана, было всего лишь 20 м. Собаки дергали кабана за черную шерсть, а я проклинал самого себя за то, что взял с собой фотоаппарат, а не ружье. Ибо там лежал огромный кабан, поимка которого заслуживает присуждения золотой медали, а я, идиот, сделал два бесполезных снимка вместо того, чтобы стрелять.

Для того, чтобы понять, что Василий ликовал возле тела убитого кабана и восторгался, не нужно было знать ни одного украинского слова. А тем, кто этого не понял, достаточно было посмотреть на Виктора, боксерский нос которого, подсобно запятой, торчал

в середине лица, расплывшегося в широкой улыбке.

Мы, все трое, рассмеялись и сказали: «Тыфу-тыфу за такого дьявольского кабана!» — на разных языках. Оказывается, сбор материалов для научной работы может быть таким же увлекательным занятием, как охота.

Кто-то пошел в село за автомобилем и несколькими досками, необходимыми для погрузки кабана. Пока мы фотографировали, спорили о весе, обсуждали, как все это произошло, измеряли расстояние, с которого были сделаны выстрелы, — я вполголоса напевал веселую песенку о девочке, ездившей верхом на свинье. При этом все понимающе улыбались, так как эту песню они знают. Черную фуражку с козырьком и эмблемой, изображающей кабана, лежащего на желтой земле, и с надписью «Int. Roedeer/Boar Sampling Brigade Chernobyl 1992» (Международная группа по сбору образцов косуль и диких кабанов, Чернобыль, 1992 г.), которую люди часто носят с гордостью, можно заслужить только тремя способами, а именно: застрелить дикого кабана, поехать на нем верхом или поцеловать его.

ПРИРОДА ЗАБИРАЕТ СВОЕ. Мы снова проезжаем уже через другие покинутые хутора, мимо неработающих промышленных предприятий. И через другие безлюдные села и деревни. И быстро понял, что здесь, наконец, слова сильнее изображений. Заброшенные необитаемые дома живописны только на цветных фотографиях. С таким же успехом можно было бы спрятать фотоаппарат. Ощущение запустения и человеческой беды можно списать только словами. Возможно, что это запустение можно изобразить в кинофильме, в котором показаны безлюдные села и деревни, необитаемые дома и пустые окна, беззвучно мелькающие на экране, — и так час за часом.

«В состязании между планетой Земля и человечеством побеждает Земля». Эта цитата, которую я где-то слышал или читал, вспомнилась мне, когда мы проезжали по местности, где есть больше дичи, чем было рань-

(Продолжение. Начало в № 40, 93 г.)

ше, а природа возвращает себе человеческие завосвания. Что касается растительного и животного мира, то после аварии реактора не видно ни одного следа — люди приписывают их себе. Это получается почти так, как будто природа только вздохнула с облегчением, когда люди сами позаботились об уходе из равнинной местности, окружающей ЧАЭС.

— В наших лесах растут невысокие довольно малопродуктивные травы, так как вследствие человеческой деятельности новые семена не вводятся, — говорит ботаник Михаил, задача которого — тщательно проанализировать содержимое желудков и кишечника, а на следующий день собрать такие же растения в местности, где эта косуля или этот кабан был застрелен, что позво-

ний вследствие аварии реактора. Он подвергся сильному облучению, и все 45 тысяч жителей этого города были эвакуированы. Они уже никогда не возвратятся домой. В настоящее время никто не знает, сколько времени эта запретная зона останется запретной. Многоэтажные дома стоят пустыми, березы и трава поражены радиацией, но в лесу, умерщвленном первоначальным облучением, неудержимо растут пышные новые молодые сосны. Выжило довольно много семян сосны. В городе Припять нет ни одного человека! Пустые квартиры, пустые магазины, пустые улицы, а в центре города — живописное чертово колесо, которое никогда уже больше не будет крутиться и заставлять детей замирать то от страха, то от удовольствия.

И если мертвые села

катастрофы

ляет измерить радиоактивность цезия-137.

Он сообщил, что наблюдалось изменение хвои у сосен, но никакого влияния радиации на лиственные деревья и на травянистые растения не замечено. Вблизи АЭС сосны все еще погибают, но в лесах остальной части тридцатикилометровой зоны они, по-видимому, почти не пострадали.

ЧЕРНОВЫЛЬ. Мы сидим на стволе дерева и беседуем. Мы углубились в лес на довольно большое расстояние и оставили наш автомобиль на опушке в широкой просеке линии электропередачи, так как Михаил отказался давать интервью под ЛЭП высокого напряжения.

— Нам нужно пойти на 60 м в сторону. Линии высокого напряжения опасны для здоровья!

Это сказал ученый, который в течение уже почти трех лет четыре месяца в году посвящает походам в наиболее радиоактивные районы, окружающие Чернобыльскую АЭС, для сбора растений и выкапывания корней. Я только записал это в записную книжку.

Справа от дороги в город Припять расположена поврежденная АЭС вместе со всеми своими реакторами, окутанная густым серым туманом. Единичные грузовики въезжали в «лес» электрических проводов и железобетонных столбов или выезжали из него, а все это сооружение имеет довольно мрачный вид, как все атомные электростанции — поврежденные или нет.

Те, кто прочитал роман Нэвила Шютса «На берегу моря» о мире после мировой ядерной войны в северном полушарии, возможно, смогут представить себе Припять — город, наиболее пострадав-

и деревни дали мне представление о Европе после чумы, то в Припяти я увидел Европу после ядерной войны.

И вдруг я увидел одну черную собаку. Чем она живет? Возможно, что отбросами из временной лаборатории, предназначенной для выполнения научно-исследовательских работ и расположенной в бывшем детском саду в покинутом городе Припять. Там мы встретили обыкновенного украинца, работавшего с дикими кабанями. Он обмеривал и взвешивал диких животных. Кроме всего прочего, его работа состояла также и во взятии образцов мышц, костей, почек, содержимого желудка и каловой массы. Часть образцов отравлялась для анализа в Швецию, но большинство образцов анализировалось в Украине.

— Если этот кабан длительное время находился в том районе, где мы его застрелили, то, возможно, он получил несколько сот тысяч беккерелей, — говорит Улоф.

В то время он уже знал, о чем говорить. Он сказал это после десяти поездов в запретную зону, окружающую Чернобыльскую АЭС.

— Мы уже состарились вместе, — добавил переводчик Валерий, когда мы обсуждали все эти экспедиции.

За три года исследований наибольшая зарегистрированная интенсивность излучения у диких кабанов равна 600 тыс. беккерелей/кг, а наименьшая — 300 беккерелей/кг. Она зависит от возраста животных и от места их обитания, а крайностей, представляющих интерес, не обнаружено.

Иоран БЕНГТСОН.
(Продолжение следует).

